

Д. С. БАБКИН

В. В. КАПНИСТ И А. Н. РАДИЩЕВ

Советские ученые много сделали для того, чтобы развеять буржуазно-либеральную легенду о Радищеве-одиночке. Ими обследованы значительные материалы, свидетельствующие о силе радищевской традиции в истории русской освободительной мысли и передовой литературы. Но несмотря на имеющиеся работы о Радищеве, значение идейно-художественных принципов его творчества для формирования русской прогрессивной литературы выяснено еще недостаточно. Некоторые ученые, разрабатывая тему «Радищев и русская литература», останавливались лишь на политическом аспекте этой проблемы, оставляя в стороне вопросы метода художественного изображения действительности. В число писателей, прошедших прямо или опосредованно через школу Радищева, включались малоизвестные литераторы, творческое наследие которых иногда не превышало одного небольшого стихотворения или одной малозначительной публицистической статьи. Вместе с тем виднейшие русские писатели, современники Радищева, внесшие значительный вклад в русскую художественную литературу, не были сопоставлены с Радищевым. В частности, не были раскрыты связи с его творчеством такого видного представителя сатирического направления русской литературы, каким является В. В. Капнист.

В творчестве Радищева заключается основной узел общественных и художественных проблем XVIII века. Сопоставление взглядов Капниста и Радищева будет способствовать лучшему пониманию существенных черт творчества Капниста. Это сопоставление имеет и более общее значение— оно поможет проследить, какое место занимали идейно-художественные принципы Радищева в формировании и развитии русской прогрессивной литературы конца XVIII—начала XIX веков.

Капнист был взыскательным художником. Его творчество дорого нам тем, что в нем отразились освободительные стремления как русского, так и украинского народов. Капнист прошел длинный и сложный путь идейно-художественного развития. Ему чуждо было состояние покоя и равнодушия. Его мысль находилась в непрерывном движении, в поисках социальной правды, в поисках выразительных поэтических форм. О поэзии Капниста Гоголь сказал, что в ней «слышался аромат истинно душевного чувства».¹

Капнист не мог в своих исканиях пройти мимо Радищева. Радищева он воспринимал как самого близкого и авторитетного собрата по перу. Он резко осуждал высокомерное отношение царских временщиков к писателю-революционеру. В годы александровской реакции, когда никто из критиков не решался высказать открыто свою солидарность с автором «Путешествия из Петербурга в Москву», Капнист дал высокую, принципиальную оценку его творчеству. «Нет: я не гордец-вельможа и не временщик: — встреча с старым знакомцем всегда мне приятна, — писал он о Радищеве в 1815 году в статье „О эксаметрах“. — Признаюсь, мысли сего просвещенного человека во многих частях достойны уважения».²

Из названного нами отзыва Капниста видно, что он очень хорошо знал произведение Радищева. В этом отзыве Капнист цитирует радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву». Здесь же он упоминает и о стихотворениях Радищева, которые были напечатаны в издании сочинений последнего 1807—1811-х годов.

Творчество каждого из названных писателей имеет свои жанровые и стилевые особенности, но при всем том по ряду важнейших вопросов взгляды их значительно сближаются. Капниста сближало с Радищевым прежде всего отрицательное отношение к крепостному рабству. Капнист выразил свои антикрепостнические взгляды в «Оде на рабство». Эта ода была написана им по конкретному случаю, в связи с опубликованием Екатериной II 3 мая 1783 года указа о закреплении крестьян Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств, но по своей идейной направленности она имела более широкое общественное значение. В «Оде на рабство» Капнист осудил не только закрепощение Украины, но крепостничество в целом. В неизданном тексте первой редакции оды, написанном

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, т. 8, М.—Л., 1952, стр. 376.

² См.: Д. С. Бабкин, А. Н. Радищев в оценке В. В. Капниста. «Русская литература», 1958, № 1, стр. 232.

в 1783 году, он говорит о пагубности крепостного рабства для всех народов:

Воззрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей,
Где нет дражайшая свободы,
Где раздастся звук цепей —
Там к бедству смертные рождены,
К уничиженью осужденны,
Несчастий горьку чашу пьют;
Под игом тяжкия работы
Ручьями льют кровавы поты
И злее смерти жизнь влекут.³

«Одой на рабство» Капнист наносил определенный удар по авторитету русской монархии. Хотя поэт апеллирует в оде к милосердию царя, но нарисованный в ней образ бесчеловечного монарха, закрепостившего свой народ, подрывал к нему всякое доверие. Капнист говорит:

А вы, цари, на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтоб вам в пределах вам подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

Капнист, так же как и Радищев, не мог примириться с наличием крепостного рабства в России. Он использовал любой повод для того, чтобы вновь вернуться к антикрепостнической теме. 15 февраля 1786 года был издан указ Екатерины II, которым повелевалось подписываться на официальных просьбах словом «верноподданный», а не «раб». Этот указ несколько не облегчал положения крепостного крестьянства, но Капнист использовал его для того, чтобы снова поставить вопрос об отмене крепостного права в России. Он написал «Оду на истребление в России звания раба», в которой представил все выгоды, могущие произойти от уничтожения крепостного рабства:

Обилие рекой польется,
И ризу позлатит полей.
Глас громких песней разнесется,
Где раздавался звук цепей.

Один экземпляр этой оды поэт послал Екатерине II с надписью на обложке: «Освободительнице России».⁴

³ Полный текст первой редакции «Оды на рабство» будет опубликован нами в подготовляемом в ИРЛИ к печати собрании сочинений В. В. Капниста.

⁴ ЛБ, ф. 178, папка 3, ед. хр. 16.

Екатерина II, прочитав оду, как свидетельствует об этом В. Н. Каразин, приказала передать Капнисту следующее: «Вы де хотите <уничтожения рабства> на деле. Зась! Довольно и слова».⁵

Через тридцать лет после написания «Оды на истребление в России звания раба» Капнист составил проект уничтожения в России звания крестьянина, в котором напомнил Александру I о том, что освобождение крестьян от крепостной зависимости является неотложным государственным делом. Посылая этот проект при письме к министру народного просвещения князю А. Н. Голицыну от 4 марта 1817 года, Капнист писал: «Знаки вашего ко мне благорасположения побуждают меня отнестись к вам о деле, давно у меня на сердце лежащем». Этот проект, как и многие другие бумаги Капниста, до сих пор не был опубликован.⁶

Капнист в своем проекте уничтожения в России звания крестьянина пишет: «Россия возведена мудрыми монархами на высшую степень величия между знаменитейшими державами в Европе; образование ее достигает до благотворительной цели; мгла невежества, веками над ней сгущенная, рассеивается. — Дворянское сословие высочайше дарованными преимуществами облагорожено; — купечество и гражданство получило свойственные ему права; уничижительное вообще всех звание раба истреблено; но еще уничижительнейшее звание крестьянина, присвоенное общепольнейшей части народа, оставляет память постыдного рабства нашего под игом неверных. — Не пора ли истребить наименование сие, непристойное в устах христианина к означению брата его по Христе, провидением к служению ему определенного?».

За уничтожением звания крестьянина, по мнению Капниста, должно было последовать полное уничтожение рабства. «Скажут иные, — пишет Капнист в названном проекте, — что перемена имени не послужит к пользе, когда вредная сущность остается. — Трудно поверить такому заключению; всему есть степени и пора. Истребление названия раба многим обнаружило, что рабство ненависто верховной власти; — и многие стараются сообразоваться столь благонамеренному внушению правительства. — Луч блеснул, — и мало-помалу мрак исчезает. — Да исчезнет и название крестьянина, постыдное в нынешнем

⁵ Там же. («Зась!» — украинское «не смей!»).

⁶ Проект будет опубликован во II томе полного собрания сочинений В. В. Капниста.

значении его для каждого правоверного и просвещенного россиянина. Оно вошло во время порабощения отечества нашего татарами. Варвары сии признавали нас рабами своими, и название христианин сделалось у них однозначительно с рабом... Память владычества татар погибла с шумом, а древнейший памятник господствования их над нами еще и поныне существует! Повторяю, не пора ли истребить оный в царствование над Россиею освободителя Европы?».

Проект Капниста об уничтожении в России звания крестьянина по своему содержанию во многом совпадает с «Проектом в будущем», изложенным Радищевым от лица гражданина будущих времен в главе «Хотилы» «Путешествия из Петербурга в Москву».

Напомним аналогичные высказывания в «Проекте в будущем» у Радищева. Здесь гражданин будущих времен пишет: «Наслаждаясь внутреннею тишиною, внешних врагов не имея; доведя общество до высшего блаженства гражданского сожития; неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братния; и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства, треть целую общников наших, сограждан нам равных, братий возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи?.. Земледельцы и до днесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! возрите окрест вас, и познайте заблуждение ваше».⁷

В проекте Капниста указан способ постепенного уничтожения рабства в России. В «Проекте в будущем» у Радищева также, как известно, изложен от имени гражданина будущих времен целый план постепенного освобождения крестьян. Говоря о бумагах гражданина будущих времен, случайно оказавшихся в почтовой избе, радищевский путешественник сообщает: «Целая связка бумаг и начертаний законоположений относилась к уничтожению рабства в России. Но, друг мой, ведая, что вышшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно, начертал путь повременным законоположениям к постепенному освобождению земледельцев в России».⁸

Здесь мы сталкиваемся с одним из кардинальных вопросов

⁷ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 312—313.

⁸ Там же, стр. 322.

в творчестве обоих писателей. «Проект в будущем» Радищева, основной тезис которого Капнист повторяет в своем проекте об уничтожении звания крестьянина, в течение многих десятилетий служил объектом горячих споров и дискуссий. Ни одно из произведений Радищева не вызывало в литературе столь превратных и противоречивых толкований, как этот проект. Буржуазно-либеральная критика, основываясь на «Проекте в будущем», пыталась сделать из Радищева умеренного либерала. Советские исследователи отнеслись к этому произведению более вдумчиво. Не вырывая его из общего контекста «Путешествия», они попытались проанализировать его содержание в связи с общей логикой знаменитой книги и в связи с другими основными произведениями Радищева. Но и среди советских ученых до сих пор нет единого понимания этого проекта. По мнению одной группы исследователей, нельзя отождествлять гражданина будущих времен, от лица которого написан «Проект в будущем», с автором книги, Радищевым. По мнению других, Радищев предлагал наряду с революционным способом уничтожения рабства в России способ постепенных реформ и возлагал в этом деле какую-то надежду на благоразумие помещиков и царя.

Как бы ни объясняли «Проект в будущем», но отрицать революционный пафос в творчестве Радищева невозможно. Радищев был в восприятии современников революционером, таковым он остается и в нашем восприятии.

Иначе подходил к вопросу Капнист. Отрицательно относясь в своих одах к крепостному праву, вынашивая в сердце более тридцати лет идею освобождения крестьян, он в то же время не мыслил решать эту проблему без помощи верховной власти. Его надежды на Александра I частично совпадали с тактикой некоторых декабристов, допускавших наряду с нелегальными формами политической борьбы легальные методы пропаганды, вплоть до попыток воздействовать на царя. Любопытно, однако, то, что эта сторона взглядов Капниста находилась в явном противоречии с его же методом художественного изображения тогдашней действительности.

Капнист в своих произведениях не скрывал острых социальных противоречий, бедности и страдания народных масс. Он сочувствовал поработанному крестьянству. Он одинаково с Радищевым объяснял нравственные мотивы своего литературного выступления. Такими мотивами каждый из них называет чувство сострадания. «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала», — так Радищев начинает свое «Путешествие из Петербурга в Москву». Глубокое сочувствие поработанному народу, как указывает Капнист в не-

опубликованной первой редакции «Оды на рабство», побудило его взяться за перо. Он пишет в начале этой оды:

Орфей! Когда ты Евридики
Лишась, на лире воздыхал,
Древа бездушны, звери дики
Ты к состраданью привлекал;
Внуши меня: к тебе взываю.
Не по супруге я вадыхаю,
Прав более имею я
Привести и камни в сожаленье;
Я воспою порабощенье
Драгой отчизны моея.

Сочувствие порабощенному народу, способность обоих писателей отрешиться от эгоистических интересов своего, дворянского, класса, способность их посмотреть, так сказать, «снизу», т. е. глазами трудящихся, на порочную жизнь «верхов» общества, борьба с основным злом тогдашней эпохи — крепостным правом, одинаковые точки зрения по ряду других вопросов — все это, вместе взятое, обусловило общность взглядов у Радищева и Капниста на задачи литературы и определило в значительной мере выбор метода художественного изображения действительности.

Основным методом этих писателей являлась сатира. Пушкин не случайно назвал радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву» «сатирическим воззванием к возмущению». Он правильно уловил главную идейно-художественную особенность этого произведения.

Радищев указывал, что сатирическое обличение может сдерживать преступные деяния тем, что оно обнажает их и выносит на суд общества. «Не дерзнут правители народов удалиться от стези правды и убоятся; ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся, — пишет он в главе „Торжок“. — Вострепещет судия, подписывая несправедливый приговор, и его раздерет. Устыдится власть имеющий употреблять ее на удовлетворение только своих прихотей. Тайный грабеж назовется грабежем, прикрытое убийство — убийством. Убоятся все злые строгого взора истины».⁹

В главе «Спасская Полесь» Истина говорит Царю: «Если из среды народныя возникнет муж, порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блудись и не дерзай его казнить яко общего возмутителя.

⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 335—336.

Призови его, угости его яко странника. Ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет».¹⁰

В сатирическом обличении социального зла и неправды Капнист, так же как и Радищев, видел основную задачу писателя своего времени. В «Оде на пиитическую лесь» он сказал:

Велик, в позднейши преидет роды
Любимый музами пнит,
Что чувства, мысль, красу природы
В стихах своих животворит;
*Но больший тот, чья звонка лира,
Изобличая злобу мира,
Гремит лишь правдой в слух царей.*¹¹

Об этой задаче литературы Капнист говорит и в других своих произведениях. Он стремился средствами сатиры заставить людей стыдиться своих пороков. В одной из своих эпиграмм он пишет:

Порокам лучшая узда
Есть ада страх и страх стыда.

Одним из средств такого обуздания пороков явилась в творчестве Капниста комедия «Ябеда», принесшая ему широкую славу.

Оригинальность и силу комедии «Ябеда» критика обычно видела в обличении корыстолюбия и плутовства судейских чиновников. Изучение этой комедии показывает, что нельзя свести ее содержание к изображению только одного чиновничье-судейского мира. В «Ябеде» Капнист нарисовал весьма широкую картину тогдашних общественных нравов в России. В пьесе содержатся неоднократные указания на преступления, которые совершались за пределами изображенного в ней круга чиновников Гражданской палаты.

Вот преступления помещика Праволова, которые перечисляет повытчик Добров:

Подлоги, грабежи, разбой разна рода,
Фальшивы рядные, уступки, векселя...

Тип помещика Праволова, очерченный в комедии «Ябеда», очень близок к образам помещиков-рабовладельцев, нарисован-

¹⁰ Там же, стр. 253.

¹¹ В. В. Капнист. Избранные сочинения, вступительная статья, редакция и примечания Б. И. Коплана. Изд. «Советский писатель», Л., 1941, стр. 155. (Курсив наш, — Д. Б.).

ных Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». В частности, одна характерная деталь помещичьего быта, описанная в «Путешествии», была повторена Капнистом в комедии «Ябеда». В «Путешествии» рассказывается о том, как некий помещик, обобравший своих крепостных крестьян до нитки, поощрял их кормиться кражею на стороне. «Случилось, — пишет Радищев, — что мужики его для пропитания на дороге ограбили проезжего, другого потом убили. Он их в суд за то не отдал, но скрыл их у себя, объявляя правительству, что они бежали; говоря, что ему прибыли не будет, если крестьянина его высекут кнутом и сошлют в работу за злодеяние».¹²

В комедии Капниста аналогичные действия помещика Праволова описаны следующим образом:

Там люди пойманы его на воровстве,
Окраденным купцам сыскались в родстве,
И брали то, что им лишь по наследству должно.
Но всех его проказ пересказать не можно.

В комедии рассказывается и о других помещиках, которые занимались так же, как и Праволов, грабежами. Пovýтчик Добров, перечисляя пострадавших от таких грабежей, докладывает председателю Гражданской палаты Кривосудову:

... вот у этого последнюю землю
Грабительски его соседи завладели
И дом сожгли...
А этот, наконец, за поземельный спор
Обманом заведен к помещику на двор,
Обруган там, прибит; домой чуть дотащился,
И в три дни отдал дух.

Секретарь Гражданской палаты Кохтин рассказывает о преступлениях, которые совершали помещики Тяпкин и Чужпродав:

По делу Тяпкина я более боюсь,
Чтоб нам какой-нибудь не вышло кутерьмы.¹³

На широком фоне помещичьих преступлений, показанных в «Ябеде», действия группы судейских чиновников не кажутся чем-то исключительным. И это вполне понимает жена председа-

¹² А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 272.

¹³ Этот рассказ Кохтина содержится в тексте последней редакции комедии «Ябеда», который также будет опубликован в собрании сочинений В. В. Капниста.

теля Гражданской палаты Фекла. Когда стало известно, что Сенат отдает Кривосудова и других членов Гражданской палаты под суд, Фекла восклицает:

Да что! что он Сенат? Да что что сенаторы?
В палатах разве лишь одних засели воры?¹⁴

При рассмотрении комедии Капниста историками отмечалось, что тема обличения взяточничества и прочих злоупотреблений судейских чиновников имела в русской литературе длительную традицию, что эта тема привлекала внимание Сумарокова, Новикова, Фонвизина, Хемницера и других русских писателей. Однако нет оснований рассматривать литературную традицию, с которой «Ябеда» была связана, только по этой линии. Если говорить о литературной традиции, то необходимо указать также и на «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Комедия Капниста имеет много общего с радищевской книгой не только по содержанию, но и по методу изображения тогдашней действительности.

Какой же метод утвердил в литературе Радищев?

Некоторые русские писатели XVIII века, желавшие, чтобы отсталая Россия скорее вошла в светлое будущее, часто выдавали желаемое за действительное. Радищев показал это желаемое в противоречии с действительным. Такой метод сложился в итоге довольно длительного и напряженного развития русской сатирической литературы. Из ближайших литературных предшественников Радищева этим методом пользовались Новиков и Фонвизин, но только в творчестве писателя-революционера он получил наиболее яркую политическую остроту. Для развенчания идеологии крепостнического и чиновничьего строя Радищев использовал метод, который можно назвать методом политической гравюры. В политической гравюре белое и черное соединялось для того, чтобы на белом поле ярче выделялись черные пятна. Радищев называл такой метод момической кистью, по имени Мома, бога насмешки и сатиры.¹⁵ Этим методом он пользовался в повести «Житие Федора Васильевича Ушакова» и в «Путешествии из Петербурга в Москву».

В повести «Житие Федора Васильевича Ушакова» идеализированному представлению неопытного юноши Ушакова о своем будущем месте в аппарате самодержавно-крепостнического государства противопоставлен действительный мир государственных чиновников. «Ты поместишься в число таких людей, — го-

¹⁴ Первоначальная редакция комедии «Ябеда». Будет опубликована там же.

¹⁵ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 2, 1941, стр. 215.

ворится в этой повести, — кои не токмо не равны будут тебе в познаниях, но и душевными качествами иногда ниже скотов почестья могут; гнушаться их будешь, но ежедневно с ними обращаться должен. Окрест себя узришь нередко согбенные разумы и души и самую мерзость».¹⁶

В резком противоречии с действительностью показаны Радищевым желания монарха, изображенного в главе «Спаская Полесь»». Этот монарх был уверен в том, что по его велению хранитель государственных законов объявит заключенным в тюрьмах царское милосердие. Но когда Истина-врач сняла с его глаз бельмы, то он увидел, что желание его было бесплодным. «Веление мое, — говорит прозревший царь, — или было совсем нарушено, обращаясь не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным оною толкованием и медленным исполнением. Милосердие мое сделалось торговлею и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия. Вместо того, чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердным, я прослыл обманщиком, ханжеею и пагубным комедиантом».¹⁷

Подобный же метод изображения действительности наблюдается довольно отчетливо и в комедии Капниста «Ябеда». Лейтмотивом звучат в ней слова повайтчика Доброва: «Законы святы, но исполнители лихие супостаты».

Естественно, «лихим» исполнителям противопоставляется не идеальный мир законов вообще, а идеализированная воля монархини. И здесь вопрос сложнее, чем в главе «Спаская Полесь» радищевского «Путешествия». Радищев рисует отвлеченный образ идеального правителя, у Капниста же в первой редакции комедии речь идет о современной ему правительнице России, Екатерине II:

Она желает нам прямого всем добра,
 Но мы хотя все из одного ребра,
 Но не равно к добру мы все расположены.
 Свободу нам дает ее закон священный.
 Дает он право нам самих себя судить,
 Божествен суд ее, но где судей найти?

Мы не можем отвлекаться от того, что Капнист в какой-то степени идеализировал Екатерину II. Следует, однако, указать, что эта идеализация связана не только с искренними или нарочито подчеркнутыми политическими иллюзиями, она также является и элементом художественным. Сценам судейского и по-

¹⁶ Там же, т. 1, стр. 158.

¹⁷ Там же, стр. 255.

мещицкого беззакония противопоставлено в идеализированном образе Екатерины II то белое, что дает гравюре художественно резкие и убедительные черты.

Характерно, что в последней редакции комедии идеализированный образ Екатерины II заменяется в песне Софьи поэтическим восславлением общественной добродетели, которая служит народному благу:

Хоть весь мир кто завоюет,
 Щастливых не сыщет дней:
 Среди победы звук цепей
 Беспокойный дух волнует.¹⁸
 Щастлив истинно лишь тот,
 С правдой кто в миру живет.

Отличие редакций комедии говорит об известном рассеивании политических иллюзий в сознании автора, но меняет ли оно существенно художественный метод пьесы? Здесь по-прежнему противопоставлены желаемое и действительное. Та же момическая кисть оказывается в руках Капниста — теперь более опытного художника. Обобщенная картина народного блага, заменившая идеализированный образ современной правительницы, привнесла в новую редакцию пьесы черты философской монументальности, что напоминает нам мотивы в хорах древнегреческой трагедии:

Клад свой Крез напрасно множит,
 День над ним не спит, ни ночь:
 Как его себе ни прочь,
 Злой случай похитить может.
 В свете всех богаче тот,
 Кто лишь правдою живет.

Комедия «Ябеда» была задумана Капнистом, как об этом свидетельствует сохранившийся первоначальный план ее, вскоре после издания Радищевым «Путешествия из Петербурга в Москву». Когда весной 1790 года книга Радищева появилась в нескольких десятках экземпляров в Петербурге, Капнист находился в это время на Украине в своем селе Обуховке. До него она дошла, надо полагать, не ранее конца 1790 или начала 1791 года. План же своей комедии Капнист набросал в 1791 году.

До сих пор мы очень мало знали об истории создания этой комедии. Она появилась в печати при Павле I в 1798 году. Но, как теперь выясняется из неопубликованных материалов, она была сдана Капнистом в печать еще при Екатерине II в начале 1793 года. После шумной истории с запрещением радищевского

¹⁸ Курсив наш, — Д. Б.

«Путешествия» обличительную комедию Капниста ни один издатель не хотел печатать. Тогда друзья Капниста Г. Р. Державин, Н. А. Львов и Федор Петрович Львов обратились за помощью к тому же самому типографу, Иоганну Шнору, который продал Радищеву для напечатания «Путешествия» необходимый шрифт и печатный станок. После долгих уговоров Шнор согласился напечатать комедию Капниста, но цензура решительно запретила ее. Екатерининская цензура, напуганная французской и польской революциями, усмотрела в комедии Капниста разрушительный дух революционной Франции и Польши. О препятствиях, не позволивших издать в 1793—1794 годах комедию «Ябеда», рассказал брат жены Капниста — Г. А. Дьяков. В письме к Капнисту от 13 мая 1794 года он писал: «Федор <Петрович Львов> остался в <Петербурге> для отпечатания твоей комедии с Шнором, который весьма карачится. Не знаю как он кончит... Комедию никак высвободить <из цензуры> Гаврила Романович <Державин> не мог, а мне и поготова. Теперь же в Польше началась комедь, так о нашей не хотят и слышать».¹⁹

Комедия Капниста может быть правильно понята при сопоставлении ее с книгой Радищева. Основное сближение «Ябеда» с «Путешествием из Петербурга в Москву» следует искать не столько в совпадении типов помещиков, очерченных в этих произведениях, хотя и это очень важно, сколько в аналогичном методе художественного изображения действительности.

В комедии Капниста нет прямых призывов к восстанию против крепостнического и чиновничьего строя в России, в ней нет никаких высказываний о французской и польской революциях, но благодаря правдивому изображению жизни и сатирическому методу обличения пороков тогдашнего общества эта комедия в условиях революционных событий во Франции и в Польше объективно подводила читателя и зрителя к возмущению; она лишала существовавшую власть необходимого ей авторитета и уважения. Отражая такое восприятие комедии, Капнист указал в предисловии ко второму изданию ее: «Вновь вынося мою комедию „Ябеда“ на суд читателей, я почитаю своим долгом ответить на один из упреков, обращенных ко мне весьма достойными лицами и просвещенными любителями русской литературы. Они полагали, что в последнем действии моей комедии, изображая на сцене, хотя и в частном доме, заседание Гражданской палаты, я тем самым лишил уважения судебную власть, которая должна быть уважаема всеми».²⁰

¹⁹ ГПБ УССР, Рукописный отдел, III. 23624.

²⁰ Это предисловие будет опубликовано в I томе собрания сочинений В. В. Капниста.

При изучении творчества Капниста мы сталкиваемся с весьма характерным явлением, которое Ф. Энгельс отметил в творчестве Бальзака, а В. И. Ленин в произведениях Л. Н. Толстого, а именно, что истинный писатель буржуазного общества в своих художественных обобщениях иногда идет дальше, чем в политических и философских воззрениях. У Капниста это явление наблюдается не только в его комедии «Ябеда», но и в других его произведениях.

Капнист пробовал свои силы в жанре трагедии. Им была написана в 1812 году трагедия по сюжету Софокла «Антигона». Метод обличительно-сатирического изображения действительности Капнист применил в этой трагедии для трактовки широко известного классического сюжета. В первой редакции трагедии «Антигона» царь Креон терпит поражение от восставшего против него народа. Такая концовка ассоциируется с картиной суда народа над царем-злодеем, нарисованной в оде Радищева «Вольность». Мотивы восстания народа в трагедии Капниста являются аналогичными тем мотивам, которые изложены в радищевской оде, — освобождение страны от власти монарха-тирана.

Антигона в трагедии Капниста горячо приветствует победу восставшего народа. Узнав от старого своего слуги Элфенора о том, что царь Креон свергнут с трона, она восклицает:

Благословляю вас, о боги справедливы!
Что от тирана вы освободили Фивы.

Содержание понятия «народ» у Капниста не было устойчивым. В «Оде на рабство» он понимает под народом закрепощенное крестьянство:

Где благо, счастье народно,
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.

В поэме «Видение плачущего над Москвою россиянина», написанной в конце 1812 года, Капнист называет народом как сельское, так и городское трудящееся население. В трагедии «Антигона» он называет народом всех граждан Фив.

Но какое бы содержание Капнист ни вкладывал в понятие «народ» в своей трагедии «Антигона», самый факт изображения и оправдания в ней народного восстания против царя заслуживает должного внимания. Екатерина II, как известно, была обозлена на Радищева более всего как раз за то, что он в оде

«Вольность» «царям грозился плахою» и что «Кромвелев пример (имеется в виду казнь по распоряжению Кромвеля в 1649 году английского короля Карла I, — Д. Б.) привел с похвалою». Капнист, убивая в своей трагедии царя-тирана, делал это вполне сознательно. Он считал, что подобная расправа с тиранами должна быть достойна подражания.

Раскрывая свой идейный замысел трагедии «Антигона», он в неопубликованном письме к драматургу Владиславу Александровичу Озерову пишет: «Я рассудил за благо убить <царя> Креона для того, дабы в трагедии моей не одна невинность страдала, но и зло наказано было. Признаюсь вам, что не могу извинить Софокла и Расина за оставление жизни сему извергу. Мы лучше с вами сделали, что убили тирана; и счастье для многих царств было бы, если б мы сыскали многих подражателей». (Курсив наш, — Д. Б.).

Капнист учитывал психологию массового театрального зрителя, ненавидевшего тиранов. Он считал, что никакие раскаяния тиранов в трагедиях никого из зрителей не интересуют. «Ни один покаянный монолог тирана никого не тронул, — пишет он в том же письме к В. А. Озерову. — Все зрители разъезжаются при начале оного; а если кто-нибудь и остается, так единственно в ожидании, что авось либо бревно заневеси, спустившись, похоронит <тирана> на месте».

Капнист, как это видно из названного письма его к В. А. Озерову, порицает Софокла и Расина за то, что они в своих трагедиях (первый в «Антигоне», а второй в «Фиваиде») не убили царя-тирана Креона. Но говоря о покаянных монологах тиранов, он имеет в виду не только названные произведения. Такие монологи имелись и в трагедиях русских драматургов XVIII века. В частности, это имело место в произведениях Николая Николаева. Николаев написал в 1784 году тираноборческую трагедию «Сорена и Замир», для сюжета которой он взял баснословный случай из борьбы русских князей с половцами. Тираном в его трагедии изображается российский царь Мстислав. По совершении ряда злодеяний Мстислав вдруг совершенно неожиданно раскаивается и припадает к ногам побежденного им половецкого князя Замира.

Основной конфликт в трагедии Капниста «Антигона» развертывается между правдолюбивой дочерью царя Эдипа Антигоной и новым правителем Фив Креоном, но Капнист для решения этого конфликта ввел в действие народ. Восстанием народа, а не усилиями одного какого-либо героя наказывается зло. Это обстоятельство значительно отличает «Антигону» Капниста от так называемых тираноборческих трагедий XVIII века.

Изучение неизданных произведений и писем Капниста показывает, что мысль его шла от обличения крепостнических учреждений и пороков дворянского общества к признанию пропагандируемой Радищевым идеи, что только народу принадлежит верховное право судить царя, нарушившего закон и долг. Капнист постепенно шел к такому выводу. В 1793 году он осуждал французских революционеров за то, что они казнили короля Людовика XVI. Тогда он был далек еще от той мысли, которую воплотил в трагедии «Антигона».

Идея о праве народов судить преступных правителей отразилась в какой-то степени в одном из последних неопубликованных стихотворений Капниста «К восставшему греческому народу», написанному в 1822 году. Здесь он говорит:

Какой тиран возможет стать
Против стремления народа?
Там можно ль цепи налагать,
Где рабство — смерть, где жизнь — свобода.
Друзья, пускай ваш острый меч
Тиранов кровью обагрится.
Тому отрадно в землю лечь,
Кто за свободу ополчится.

Названная нами выше статья Капниста «О эксаметрах» свидетельствует о том, что он одинаково с Радищевым относился к одному из важнейших вопросов литературы, не утративших своего значения до настоящего времени. Мы имеем в виду общность их взглядов на русскую народную песню. Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» достаточно ярко выразил мысль о том, что творчество писателя должно быть связано в той или иной мере с народной поэзией, в которой он видел отражение души и характера русского человека. Более того, он рекомендовал правителям России внимательно прислушиваться не только к тому, что поют русские люди, но и к мелодии их песен. «Лошади меня мчат, — пишет он в „Путешествии“, — извощик мой затянул песню по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. — На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа».²¹

Интерес у Капниста к русским народным песням проявился довольно рано. В конце 1780-х годов он принимал участие в хоровом исполнении простонародных песен в доме его друга, извест-

²¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 229—230.

ного собирателя и издателя русских народных песен Н. А. Львова. «Случилось раз, — рассказывает он в примечаниях к статье «Краткое изыскание о гипербореанах», — что у друга моего, погойного Николая Александровича Львова, собравшиеся родственники и приятели пели простонародную песню „Высоко сокол летал“; в то самое время входит известный превосходный музыкальными сочинениями Сарти; он останавливается, слушает со вниманием; наконец, примечают его и перестают петь. — Он осведомляется о имени сочинителя и получает ответ, что это простонародная русская песнь. — Удивленный, просит он о повторении оной. Превознеся похвалами отменного музыкального рода сочинение сие, удивляется искусству поющих столь, по мнению его, трудный хор. — Ему отвечают, что нет ничего легче и что простонародные певцы поют оный с такою же точностию».

Капнист, так же как и Радищев, выражал уверенность в том, что русская поэзия может успешно продолжать свое развитие лишь на основе могучей традиции народной песни. В полемике с С. С. Уваровым по проблемам русского стихосложения, развернувшейся в 1815 году, он рекомендовал искать основу метрической системы в русских народных песнях. «Признаюсь, — писал он в первом письме к С. С. Уварову «О эксаметрах», — что желал бы побудить любителей словесности нашей, более меня в оной искусившихся, к изысканию в размере народных наших песней метрического, свойственного языку нашему стихосложения. — Весьма давно уверился уже я, что мы имеем богатую оного отечественную руду, в презрении несправедливо оставляемую, для разработки которой не сыскался только до сих пор ревностный и от предрассудков освобожденный ископатель».²²

Радищев, как известно, придавал большое значение проблеме совершенствования метрической системы русского стиха. Для него эта проблема имела не меньшее значение, чем вопрос о «предмете стихов». Излагая в главе «Тверь» «Путешествия» беседу путешественника с «новомодным стихотворцем», он пишет: «Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда, в разных смыслах, как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень. Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтаны. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул».²³

²² Сочинения В. В. Капниста. СПб., 1849, стр. 612.

²³ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 352.

Радищев, выступая против засилия ямбической системы, становившейся, по его мнению, тормозом в развитии русской поэзии, рекомендовал поэтам и переводчикам пользоваться безрифменными формами стиха, которыми так богата русская народная поэзия. «Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию, — писал он в той же главе „Тверь“. — Слышав долгое время единоголасное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французский язык будет в России больше других языков в употреблении. . . Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российский язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами».²⁴

Вскоре после издания Радищевым «Путешествия» Капнист сделал перевод безрифменными стихами поэмы шотландского барда Оссиана «Картон».²⁵ В рукописи этой поэмы он перечислил ряд русских народных песен, размеры которых он использовал для своего перевода. В числе этих песен названы следующие: «Как бывало у нас, братцы, через темной лес», «Кровать моя кроватушка, кровать тесовая», «Ах! почто было, ах! к чему было по горам ходить», «У соловушки, в голубчика одна песенка», «Уж как вниз было по Волге, Волге матушке реке».²⁶

Размеру и образам народного стиха во второй половине XVIII века подражали и другие русские поэты: Сумароков, Василий Майков (отрывок стихотворения, написанный в 1769 году по поводу взятия русскими войсками турецкой крепости Хотина), Н. А. Львов (поэма «Добрыня», написанная в 1794 году), Н. М. Карамзин (богатырская сказка «Илья Муромец», написанная в середине 1790-х годов) и др. У некоторых тогдашних поэтов с народным стихом ассоциировался целый комплекс понятий: простота, естественность, национальное содержание, патриотизм и т. п.

Капнист в статье «О эксаметрах» указывает, что первоначально его познакомил с размером русских народных песен Н. А. Львов. Однако в этой же статье его теоретические суждения по вопросам русского стихосложения более близки взглядам Радищева, нежели Львова. «Я думаю, — пишет он о взглядах Радищева, — что они более служат к утверждению моих заключений. — Недовольный переводом Энеиды в александрийских

²⁴ Там же, стр. 353.

²⁵ Сборник поэм шотландского барда III века Оссиана, в котором имеется поэма «Картон», был издан в Англии в 1760 году; позднее было установлено, что это — сочинение Макферсона.

²⁶ ГПБ УССР, Рукописный отдел, I. 5674.

стихах, с осмотрительностью г-н Р<адищев> изъявлял желание, „чтобы Гомер между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его эксаметрам“. Упомянув о Тилимахиде, заключает он, что „теперь дать пример *нового* стихосложения очень трудно“. Никто более меня не чувствует истины сей».

Капнист в своей пропаганде русского народного стиха опирается на авторитет Радищева. «Я уверен, — пишет он в статье „О эксаметрах“, — что человек столь самомыслящий, как почтенный г-н Р<адищев>, одобрил бы старание мое облагородить оный и, выведя из презрительного состояния, водворить в кругу изящной словесности нашей».

Приведенные нами сопоставления Капниста с Радищевым не исчерпывают идейных и творческих связей этих писателей, но свидетельствуют о том, что роль Радищева в общем литературном движении начала XIX века становилась все крупнее. Русская литература постепенно обогащалась идеями и художественным опытом писателя-революционера.

В заключение хотелось бы отметить, что идейные и творческие связи Капниста с Радищевым не были случайными. Сама тогдашняя жизнь направляла чуткого, гуманного художника Капниста к тем проблемам, которые Радищев поставил перед русской литературой. Глубокий интерес к общественным и литературным проблемам Капнист сохранил до конца своих дней. Оглядываясь на пройденный им путь, он отметил в своей неопубликованной автобиографической записке: «Не желая достигать отличий, ползая в передних вельможеских, я служил обществу в пути, открыто премудрою царицею. Открыто и тайно жертвовал любви отечества всем — и жизнью, — успех не венчал всех подвигов моих. Судьба сокрыта от нас. Добрый сын отечества должен довольствоваться часто одним свидетельством доброй совести».²⁷

В конце своей жизни Капнист имел личные связи с будущими декабристами. Видные деятели Южного тайного общества С. И. Муравьев-Апостол и П. И. Пестель бывали у него в Обуховке. Сохранились письма Муравьевых-Апостолов к Капнисту, рисующие их близкие дружеские отношения. Дом Капниста в Обуховке в начале 1820-х годов был местом, где собиралась для горячих диспутов передовая дворянская молодежь, охваченная декабристскими настроениями. Из семьи поэта вышли два декабриста: сын Капниста Алексей Васильевич и воспитанник Капнистов Н. И. Лорер. Декабрист Н. И. Лорер воспитывался

²⁷ ГПБ УССР, Рукописный отдел, I. 5723.

у Василия Васильевича и Петра Васильевича Капнистов. В своем дневнике он с глубоким признанием вспоминает о них: «Если я чего-нибудь стою, — пишет он, — этим я обязан прежде всего моему воспитанию и тем примерам правды, простоты и чести, которыми я был окружен с моего появления в мир до моего вступления в свет. Я обязан моим благодетелям более чем существованием».²⁸

Капнист, давший своим творчеством пример правды, простоты и гражданской чести, достоин внимания советских читателей.

²⁸ ЛБ, ф. 218, № 59/16, л. 56. Альбом Н. И. Лорера, подаренный внучке В. В. Капниста А. А. Капнист в 1866 году.